

Вошедший парень был одет в темно-зеленое шерстяное пальто, аккуратно подстрижен, а на шее у него был повязан бежевый шарф.

Гу Вэнь поднял голову, увидел Цзоу Кая и пулей вскочил со стула у барной стойки: Ты... разве ты не говоришь, что не сможешь сегодня вернуться?

Я обещал тебе, что вернусь, а значит, сдержу слово, — Цзоу Кай улыбнулся. Поезд действительно задержался, но у него были свои способы успеть. Он потянул за ручку сдвижной двери, оставляя лишь узкую щелку, и добавил: Я скучал по тебе.

М-м, я тоже скучал. Собирался поехать в Бинчэн, чтобы увидеться с тобой, но ты не позволил. Гу Вэнь, которого обнимал Цзоу Кай, слегка покраснел. Они учились вместе в начальной школе, но лишь к старшим классам осознали свои чувства. Однако в этом маленьком городке гомосексуальность не признавали, поэтому они могли проводить время вместе только раз в год, когда возвращались домой на праздник Весны.

Пока они целовались, в поле их зрения мелькнула маленькая фигурка.

Чу Лян уставился на них. Хотя он не разобрал всего в деталях, но они определенно целовались — прямо как в телевизоре. Это было не наваждение: двое взрослых парней целовались. Он не успел удивиться, как сзади его догнал Чжэн Вэй, на ходу выкрикивая ругательства: Чу Лян, ну и куда ты теперь побежишь?

Чу Лян обернулся и увидел Чжэн Вэя, стоящего у дверного проема. Мальчик начал пятиться, держась за игровой автомат; он уже представлял, как кулак Чжэн Вэя летит ему в лицо. Но спустя мгновение ничего не произошло. Открыв глаза, он увидел, что Чжэн Вэй и его компания остановлены парнем в шерстяном пальто.

Гу Вэнь посмотрел на ребенка: Тебя зовут Чу Лян? Чу Фань твой брат? Вернувшись домой, я услышал от матери, что у Чу Фаня появился младший брат. Так вот он какой: беленькое личико, огромные глаза, совсем как кукла. Очень милый мальчуган.

Чу Лян кивнул. Старший брат перед ним улыбался очень мягко. Он знаком с моим братом? Чу Лян не стал спрашивать, лишь опустил голову.

Хотя ребята вели себя дерзко и нахально, но стоило перед ними встать взрослому ростом метр восемьдесят, как они невольно задрожали. Гу Вэнь бросил взгляд на Цзоу Кая. Тот слегка улыбнулся, и, повернувшись к мальчишкам, его лицо тут же изменилось. Он сжал кулаки так, что суставы хрустнули: Нарывается? А ну вон отсюда. Голос Цзоу Кая не был громким, но звучал внушительно. Чжэн Вэй не посмел перечить; он лишь бросил злобный взгляд на Чу Ляна, процедил: Еще встретимся, — и, подталкивая друг друга, вся компания поспешила на выход. Гу Вэнь посмотрел на уходящих мелких хулиганов и обратился к Цзоу Каю:

— Этот ребёнок — младший брат Чу Фаня. По дороге домой подбрось его, чтобы те сопляки не поджидали его у выхода.

Цзоу Кай взглянул на Гу Вэня, молча поправил ему воротник куртки, а затем взял дорожный чемодан:

— Ладно, тогда я навещу тебя завтра, ложись пораньше.

Всю дорогу Чу Лян хранил молчание — не разговаривать с незнакомцами было его привычкой. Цзоу Кай... это имя казалось очень знакомым. Чу Фань упоминал о нём: это сын тётушки Цзоу

из дома напротив, и, кажется, он даже владеет боевыми искусствами.

— Большой брат, ты ведь умеешь драться? — с улыбкой обернулся Цзоу Кай.

— С чего ты взял? Чу Фань рассказал? Я немного занимаюсь саньда.

Саньда он в своё время начал изучать ради того, чтобы защитить того, кого хотел защитить.

— Саньда? Это как в телевизоре?

Чу Лян никогда не слышал этого слова, он знал лишь боевые искусства — такие, где, как в сериалах, одним ударом человека могут отбросить на несколько метров.

Услышав слова ребёнка, Цзоу Кай покачал головой:

— В телевизоре всё сдобрено спецэффектами и звуковым сопровождением, это сильное преувеличение.

— А ты можешь меня научить?

Ему очень хотелось научиться. Научившись, он смог бы защитить Чу Фаня и больше не боялся бы, что Чжэн Вэй станет к нему приставать.

Когда Чу Лян вернулся домой, Чу Фань уже катил велосипед, собираясь куда-то уходить. Завидев Чу Ляна, он бросил велосипед и впопыхах подбежал к ребёнку, схватив его за руку. Он чуть не умер от страха, решив, что Грубый пропал. Чу Фань испытал чувство человека, чудом избежавшего смерти.

Чу Фань за руку ввёл ребёнка во двор, как вдруг навстречу ему прилетели побои. Удар пришёлся не по лицу, а по спине, и даже сквозь толстый ватник спина горела огнём. От неожиданности у него слегка закружилась голова — матушка вложила в этот удар всю силу. Тряхнув головой, он увидел, как мать обнимает Грубого, умываясь слезами и соплями. Чу Фань не проронил ни звука: он ведь и сам жутко испугался. При мысли о том, что Грубый мог попасть в руки злодеев, у него по спине бежали мурашки.

Чу Фаня посадили под домашний арест на три дня, и всё это время мать с ним не разговаривала. Лишь на четвёртые сутки она сама заговорила с ним. Чу Фань совсем не сердился на мать — на этот раз был неправ он сам.

— Чу Фань, сколько бы ошибок ты ни совершал в школе, разве мать хоть раз поднимала на тебя руку? Но на этот раз ты перешёл все границы! Как старший брат, ты обязан заботиться о младшем. Как мужчина, ты должен понимать, что такое ответственность. Ты меня по-настоящему разочаровал. На душе у Чу Фаня было паршиво. Он по своей глупости так напугал родителей, что теперь совесть грызла его изнутри. Вспоминая упрямый характер Чу Ляна, Чу Фань не сомневался: тот до последнего ждал у ворот, пока их не заперли, а вернувшись домой, весь перепачканный в воде и грязи, на все расспросы лишь отмалчивался, ссылаясь на то, что просто поскользнулся на дороге. Чу Фань ничего не мог с этим поделать — Чу Лян был человеком скрытным, и если уж он решил молчать, то бесполезно было пытаться вытянуть из него хоть слово.

— Твои карманные деньги на следующий месяц конфискованы. Получишь их только тогда, когда осознаешь свою ошибку, — вынесла вердикт мама и вышла из комнаты.

Лишиться денег на целый месяц было досадно, но Чу Фань даже не посмел возразить.

В день выдачи табелей с оценками мама пошла с Чу Ляном, а папа — с Чу Фанем, что стало для последнего настоящим спасением. Учитель английского вновь приукрасил все похождения Чу Фаня, добавив в них красок. Слушая это, Чу Фань даже посочувствовал педагогу: сколько же усилий нужно было приложить, чтобы собрать воедино такой объем компромата.

Совсем иначе обстояли дела у мамы: учитель расхваливал Чу Ляна на глазах у всех родителей. Когда Чу Лян, держа маму за руку, вышел из класса, они увидели папу и Чу Фаня. Мама, которая в доме отвечала за стол, приготовила к ужину тушеную свинину — блюдо, которое обожали оба брата.

Папа, попивая вино, разглядывал табель Чу Ляна:

— Неплохо, наш младший сын далеко пойдет.

Сказав это, он опрокинул еще одну рюмочку. Мама легонько стукнула его палочками по руке, но папа, хихикая и уворачиваясь, продолжал подносить стакан ко рту:

— Жена, всего одну, ну всего одну!

Мама фыркнула, но препятствовать больше не стала.

Хотя успехи самого Чу Фаня были весьма скромными, он искренне радовался за брата. Пользуясь тем, что мама отвлеклась на папу, он тайком пригубил из его стакана. Вино обожгло горло, из глаз брызнули слезы, за что он тут же получил от мамы подзатыльник. Чу Лян же, невозмутимо сидя с чашкой, продолжал усердно ужинать.

После еды мама начала убирать со стола. Чу Лян сидел рядом: он был еще совсем маленьким, и ноги, не доставая до пола, мерно раскачивались в воздухе.

Чу Лян наблюдал, как мама заворачивает остатки еды в пищевую пленку и убирает в холодильник, как протирает стол тряпкой. И только когда она повернулась, чтобы уйти на кухню мыть посуду, он наконец заговорил:

— Мам, я хочу перепрыгнуть через класс.

Чу Лян собирался сказать об этом весь ужин, но его постоянно прерывали. Сейчас он опустил голову, голос его звучал тихо, но твердо. На самом деле он очень боялся отказа, ведь ему до смерти хотелось учиться в одном корпусе с Чу Фанем. Тогда бы они могли стоять рядом во время утренней зарядки, и даже находясь внизу, он мог бы видеть Чу Фаня на этажах выше. Мать на мгновение замерла, уже собираясь повернуться, затем обернулась, долго смотрела на него, положила тряпку на стол, придвинула стул и села рядом: — Сынок, ты уверен, что хочешь перепрыгнуть класс? Она верила в способности Чу Ляна, но тот лишь недавно перевелся в новую школу, и она немного переживала.

Чу Фань сидел перед телевизором и, услышав слова матери о перепрыгивании через класс, бросил пульт и подскочил: — Перепрыгнуть класс? Сруль, ты хочешь перепрыгнуть класс? В один класс со мной?

Чу Лян немного помолчал: — Я хочу перейти сразу в четвертый класс. Вообще-то он хотел сказать, что в пятый, но боялся, что мама не разрешит, поэтому пришлось назвать четвертый.

Мать, услышав это, лишь на мгновение опешила, а затем протянула руку и пару раз легко шлепнула Чу Ляна по плечу: — Хороший сынок, умница! Завтра же свяжусь с учителем и поговорю об этом. Сказав это, мать ушла на кухню. Чу Фань не сразу переварил услышанное и тоже замер на пару секунд: — Сруль, теперь мы будем в одном учебном корпусе, ха-ха!

Чу Лян ничего не ответил, опустив голову и ковыряясь на обеденном столе, но уголки его губ не переставали подниматься, а большие глаза сузились в две изогнутые полумесяцем щелки.

Получив табели с оценками, ученики наконец-то официально вступили в пору зимних каникул. Чу Фань сможет отправиться к бабушке только после Нового года, а до этого времени он должен был оставаться дома: каждый день делал задания на каникулы и просто играл. Вот только в последнее время Чу Лян все норовил забежать к тетушке Цзоу из квартиры напротив, и маленький хвост, который вечно таскался за ним, вдруг перестал липнуть. Чу Фань никак не мог к этому привыкнуть, на сердце было пусто и тоскливо.

— Чу Фань, чего застыл? Пошли гулять. Дэн Юй сидел на велосипеде за воротами двора, глядя на сидящего под виноградной лозой погруженного в свои мысли Чу Фань, а затем огляделся по сторонам: — Кстати, а где Чу Лян? В последнее время его совсем не видно.

— У тетушки Цзоу из напротив, где же еще. Тон Чу Фаня был не слишком дружелюбным, в нем сквозило некоторое раздражение. Он пнул носком ботинка камешек у дороги — с чего это у него такое паршивое на душе? Отряхнув одежду, Чу Фань подошел к калитке и только тогда заметил, что рядом с Дэн Юем крутится Ми Цзюань. В последнее время Ми Цзюань держалась к Дэн Юю подозрительно близко, чего Чу Фань никак не мог взять в толк — разве Ми Цзюань раньше не смотрела на Дэн Юя свысока? Ми Цзюань вообще-то была довольно симпатичной и пользовалась известностью в школе, но Чу Фань не слишком жаловал ее норы. Бросив на Ми Цзюань беглый взгляд, он повернулся к Дэн Юю: — Куда идем?

На такое откровенное игнорирование со стороны Чу Фаня Ми Цзюань лишь тихонько фыркнула и больше ничего не сказала.

Дэн Юй выровнял велосипед: — На Восточный мост, куда же еще. Восточный мост находился на окраине уездного городка и представлял собой подвесной мост на цепях, соединяющий две горы. Когда идешь по нему, он раскачивается из стороны в сторону, а внизу шумит быстрая вода крепостного рва — довольно щекочущее нервы зрелище. По обе стороны раскинулся лесной парк, и поговаривают, что самые глубокие деревья в парке насчитывают не одну тысячу лет. Чу Фань понятия не имел, правда это или нет, во всяком случае, сам он определить возраст деревьев не мог. — Не позовём Чу Ляна? — Дэн Юй недоумевал. Чу Лян, который прежде был с Чу Фанем не разлей вода, в последнее время стал появляться всё реже и реже.

Чу Фань ничего не ответил. Он вошёл во двор, выкатил велосипед и, не говоря ни слова, направился прочь.

Цзоу Кай с самого утра был у Гу Вэня и вернулся только к полудню. У входа в переулок он

увидел Чу Ляна: тот сидел на корточках перед дверью, обхватив колени руками, и выглядел таким крохотным и несчастным, что вызывал невольную жалость.

— Что случилось?

Чу Лян промолчал. Чу Фань ушёл ещё утром, а сейчас уже полдень, но они так и не вернулись. Он отчётливо видел ту девушку, Ми Цзюань, и на душе у него разливалась непонятная горечь, а в носу предательски защипало.

Увидев, что ребёнок молчит, Цзоу Кай поднял руку, стряхнул с него снег и потянул в дом.

Посреди двора дома Цзоу Кая была свободная площадка, накрытая навесом — он спасал от дождя и снега. Сейчас Чу Лян отрабатывал приёмы, которым его учил Цзоу Кай. Несмотря на лютый мороз, на лбу у мальчика выступил тонкий слой пота. Цзоу Кай знал, что Чу Лян старается, но сегодня ребёнок вёл себя странно: всё время хмурился, а его движения были куда более дёргаными, чем вчера.

Цзоу Кай окликнул его несколько раз, но тот лишь хмурился и молчал. Похоже, он поссорился с Чу Фанем. Цзоу Кай беспомощно улыбнулся: после того, как он начал чаще видеться с ребёнком, приходя из школы, он успел немного узнать его характер. Кроме Чу Фаня, вряд ли что-то ещё могло довести его до такого состояния.

Чу Лян продолжал тренироваться. Он почти освоил все приёмы, которым учил его Цзоу Кай. Попрактиковавшись некоторое время, когда снег начал утихать, Чу Лян присел в сторонке, обнял колени и тяжело задышал. Он не понимал, почему у него сегодня так паршиво на душе — стоило лишь подумать о том, что Чу Фань сейчас с Ми Цзюань, как становилось трудно дышать.

— Брат Цзоу Кай, вы с братом Гу Вэнем встречаетесь? — тихо спросил Чу Лян, глядя на улицу. Слово встречаться было для него новым. Несколько дней назад тётка с соседней улицы сказала, что её сын завёл девушку и теперь встречается с ней. Встречаться... наверное, это как по телевизору? Но по телевизору не показывали парней, которые встречаются друг с другом, и Чу Лян этого не понимал.

Цзоу Кай замер, на его лице промелькнуло смущение. Наверное, мальчик спросил это после того случая в игровом зале.

— Мы с твоим братом Гу Вэнем... — Цзоу Кай улыбнулся, но улыбка вышла горькой. — Ты ещё слишком мал. — Он тихо вздохнул. Их с Гу Вэнем любовь, вынужденная прятаться в тёмных углах, казалась ему слишком ничтожной.

— А? — Чу Лян не понял. Разве это не называется встречаться? Что это за чувство — встречаться? Это так же, как он любит Чу Фаня?

— Что такое? У тебя что, кто-то появился? — Цзоу Кай с улыбкой посмотрел на малыша. Хотя Чу Лян учился только во втором классе, мысли у него были глубокие.

Чу Лян вздрогнул. Кто-то, кто нравится?

— А Чу Фань считается?

Цзоу Кай замер, посмотрел на серьёзное личико ребёнка и улыбнулся:

— Это другое. Чу Фань — твой старший брат. Любовь к брату отличается от любви в романтическом смысле.

Снаружи послышался смех. Через щель в двери Чу Лян увидел Чу Фаня. Он не мог разобрать выражения лица парня, лишь заметил снежинки на его чёрной пуховой куртке. Рядом сидела Ми Цзюань, смеясь, она примостилась на заднем сиденье его велосипеда. Глядя на неё, Чу Лян почувствовал, как сердце резко сжалось от невыносимой боли — ведь это место должно было принадлежать ему.

Чу Фань, похоже, почувствовал взгляд Чу Ляна. Он обернулся и увидел, как тот смотрит на него широко открытыми глазами. В них читались эмоции, которые Чу Фань не мог понять, но отчетливо видел разочарование — совсем как у мамы, когда она впервые узнала, что он прогулял уроки, или даже сильнее.

Чу Лян впервые так на него смотрел. Этот взгляд был настолько чужим, что стало страшно. Даже когда Чу Фань считал его слишком навязчивым и грубил ему, игнорировал его, Чу Лян никогда не смотрел на него подобным образом. Чу Фань, словно провинившийся ребёнок, почувствовал, как внутри всё сжалось от страха. Он не осмеливался смотреть в ответ, рука его дрогнула, и он ослабил хватку на руле. Ми Цзюань не удержалась и соскользнула, она не видела Чу Ляна за дверью и, смеясь, ткнула Чу Фаня пальцем. Чу Лян не слышал, о чём они говорят, картинка перед глазами казалась ему невыносимо яркой, и он опустил голову, чтобы не смотреть.

Снег снова начал усиливаться. Вернувшись домой, Чу Лян увидел Чу Фаня, греющегося у огня, и, ни слова не говоря, развернулся и вышел. Снег снаружи уже припорошил следы. Маленькая фигурка Чу Ляна в красном пуховике была очень заметна на белом полотне, и Чу Фань вдруг почувствовал какое-то странное одиночество.

Сам не понимая зачем, он вышел следом за мальчиком и увидел, что тот уже обернулся и смотрит на него. Помпон на шапке Чу Ляна всё ещё покачивался.

Чу Фань не знал, что сказать, и просто замер, глядя на ребёнка.

— Брат... — Чу Лян опустил голову, и в его звонком голосе послышался сильный носовой

оттенок.

Чу Фань, который собирался спросить, почему мальчик всё это время его игнорировал, тут же забыл о своём намерении. Он подбежал к нему в несколько шагов и увидел, что глаза у Чу Ляна покраснели — было ясно, что он плакал. — Чего ревешь, я же тебя не обижаю. Чу Фань протянул руку и стер с лица ребенка слезы, только теперь заметив, что мелкий раздался вширь, но в росте совсем не прибавил — по-прежнему доставал ему лишь до груди. — Црулянь, ты что, теперь решил развиваться исключительно вширь?

Чу Лян ошеломленно задрал голову, и лишь спустя какое-то время до него дошло, что Чу Фань имел в виду под развитием вширь. Приглядевшись, он с удивлением понял, что действительно ни капли не вырос: как и в прошлом году, его макушка едва достигала чужой груди. От этого открытия у него на душе стало так тоскливо и горько, что неприятный осадок от присутствия Ми Цзюань за спиной Чу Фаня тут же померк на фоне столь больной темы.

Повозившись носком ботинка на земле, он наконец пробормотал:

— Брат, может... подождешь меня?

Мать как раз возвращалась от соседей и услышала, как младший просит Чу Фаня его подождать. Ее большие покрасневшие глаза напоминали глаза белого кролика, и она, недолго думая, тут же принялась отчитывать старшего:

— Чу Фань, ты что, обижаешь младшего брата?

Чу Фань скривил губы, чувствуя себя донельзя несправедливо обиженным:

— Мам, мы точно по фамилии Чу, а не Доу?

Мать отвесила Чу Фаню легкий подзатыльник:

— Только попробуй обидеть младшего — шкуру спущу.

С этими словами она с пакетом фруктов вошла в дом.

Чу Фань никак не мог взять в толк: почему стоило Цруляню пустить слезу, как матушка, даже не раздумывая, во всем обвиняла именно его? И это называлось просто обидой — слов не было. Повернувшись обратно, он посмотрел на ребенка. Черные, с четким разделением белков глаза... Да разве это лицо человека, который только что плакал?

После ужина родители ушли к соседям играть в карты. Чу Лян не стал бежать к дому Цзоу Кая и остался смотреть телевизор, хотя особого интереса к нему сейчас не испытывал — бесконечно крутившиеся в эфире передачи уже вызывали у него зрительную усталость. Скользнув взглядом по экрану, он снова уставился на Чу Фаня.

Дэн Юй за воротами зычным голосом затянул песню, будто на сцене театра, и Чу Фань, бросив пульт на диван, в несколько шагов выскочил наружу. Чу Лян поднял с пола пульт и зажал кнопку запуска игры — на экране появился тетрис. Он не стал смотреть на улицу: скорее всего, Чу Фань ушел развлекаться, а может, там была и та девчонка по имени Ми Цзюань.

— О чем задумался?

Не успел Чу Лян додумать эту мысль, как кто-то легонько, но довольно чувствительно щелкнул

его по носу. Подняв голову, он увидел ухмыляющуюся физиономию Чу Фаня, и вся накопившаяся на душе обида мгновенно испарилась.

— Ни о чем. А ты разве не идешь гулять? — сказал Чу Лян, кривя душой.

— Мм, не пойду, там всё равно ничего интересного. Дэн Юй запал на эту Ми Цзюань и насильно потащил меня третьим лишним, будто не боится, что меня там совсем зажарит, — Чу Фань натянул на себя плед. Погода стояла жутко холодная, стоило выйти на улицу хоть на чуть-чуть, как тут же пробирало до костей. После слов Чу Фаня он наконец вспомнил: Дэн Юй за последнее время сильно похудел, его черты лица, которые раньше терялись из-за полноты, теперь вернулись в норму. Если не считать привычки постоянно тереть нос, выглядел он вполне сносно. Правда, не так приятно, как Чу Фань, — подумал про себя Чу Лян.

Он поправил одеяло, укрывающее Чу Фаня, и взял его руку в свою, чтобы согреть. Зимой тело Чу Ляна всегда оставалось горячим, он не боялся холода, в отличие от Чу Фаня, который с приходом зимы превращался в кусок льда. Чу Лян не понимал, почему тот, кто целыми днями бегаёт по всей округе, так сильно мерзнет, да еще и умудряется отправиться гулять к Восточному мосту.

Чу Фань тихонько рассмеялся и выдернул ладонь. То, как Чу Лян грел ему руки, было похоже на щекотку, хотя, надо признать, ладони у него были действительно теплыми.

Чу Лян все еще размышлял о том, что после обеда Ми Цзюань сидела позади Чу Фаня, но теперь это беспокойство почти улетучилось. Он лишь чувствовал, что та девочка по имени Ми Цзюань определенно равнодушна к Чу Фаню, хотя сам Чу Лян не имел четкого представления о том, что значит быть влюбленным.

В преддверии Нового года мама купила и ему, и Чу Ляну новую одежду. Нежно-желтая хлопковая курточка смотрелась на ребенке очень мило, а цвет подчеркивал кожу, настолько свежую и нежную, что, казалось, ее можно было проткнуть пальцем.

— Маленький Чу Лян растет таким красивым, — с улыбкой сказала тетушка Цзоу, заметив их, когда вышла из дома напротив. Чу Лян тоже улыбнулся: хотя одежда его волновала мало, но, услышав, как Чу Фань без умолку расхваливает обновку, он почувствовал, как настроение значительно улучшилось.

Чу Лян вошел в дом, взял маленькую скамеечку и уселся во дворе, прижимая к груди ручную грелку — ее купила ему мама. Ту, что была у Чу Фаня, он умудрился потерять аж два раза, после чего мама наотрез отказалась покупать ему новую. Как раз подошло время возвращаться Чу Фаню.

Едва переступив порог двора, Чу Фань поманил ребенка рукой. Чем дольше он смотрел на нежно-желтые одежды малыша, тем более милыми они ему казались. Не удержавшись, он снова протянул руку и пощекотал его за щеки, а затем достал из пакетика со сладостями взрывную карамель:

— Чу Лян, закрой глаза.

Ребенок на мгновение замер, с недоумением посмотрел на него, но все же послушно зажмурился.

— Так, а теперь открой рот.

Чу Лян без колебаний приоткрыл рот, и через секунду туда упала конфетка. Поначалу ничего особенного — клубничный вкус, довольно сладко.

— А ты прижми ее языком, попробуй, — Чу Фань забросил в рот собственную конфетку и прижал ее языком.

Чу Лян сделал так, как ему велели, вытаращил глаза и лишь спустя какое-то время высунул язык, облизнув губы:

— Она прыгает.

Для него это было первой в жизни по-настоящему забавной конфеткой, раньше он таких не пробовал. Карманные деньги, которые давала мама, ему было жалко тратить, и он все складывал в свою маленькую копилку.

<http://bllate.org/book/21148/2144256>